

А. М. Камчатнов

ПОНЯТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ¹

Понятие словообразовательного отношения является одним из важнейших в словообразовании как разделе науки о языке, так как отражает языковую реальность и рассматривается как с синхронических, так и диахронических позиций. Если предметом синхронического словообразования является исследование «живых» словообразовательных отношений в пределах словообразовательного гнезда, хотя конкретные представления о том, что является «живым», а что «неживым», колеблются у разных представителей синхронического словообразования², то предметом диахронического словообразования должно быть исследование того, как возникают словообразовательные отношения и как они изменяются в ходе исторического развития, какие типы отношений существуют в языке. Сегодня, когда еще нет обобщающего теоретического ответа на эти вопросы, их исследование целесообразно начать с какого-то отдельного словообразовательного древа³ и проследить исторический процесс формирования словообразовательных отношений в его пределах. Это поможет прояснить содержание понятия словообразовательного отношения.

В данной статье будет рассмотрен процесс формирования словообразовательных отношений (СО) в пределах словообразовательного древа (СД) с корнем *бег-*.

Согласно нашим исследованиям, получившим отражение в словарной статье «Бег» «Историко-словообразовательного словаря русского языка» (www.drevoslov.ru), СД «Бег» состоит из пяти ветвей: четырех глагольных и одной именной.

1

В начале первой ветви находится глагол 1-го класса *бегу* < *bĕgot с инфинитивом *бечь* < *bĕgti. От этого глагола образован целый ряд приставочных дериватов: *вбегу*, *выбегу*, *забегу*, *избегу*, *отбегу*, *прибегу*, *убегу* и др. с инфинитивам *вбечь*, *выбечь*, *забечь*, *избечь*, *отбечь*, *прибечь*, *убечь* и др.

¹ Статья по докладу на VIII конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (грант РГНФ №15-01-14013). Приношу свою благодарность доктору филологических наук Д. Г. Демидову, прочитавшему текст статьи в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний.

² Это легко доказывается простым сравнением нескольких словообразовательных словарей, написанных с последовательно синхронных, как представляется их авторам, позиций. См. об этом в статье: [Камчатнов].

³ Вместо общепринятого, к сожалению, термина «словообразовательное гнездо» я пользуюсь старым, восходящим, видимо, еще к работам А. С. Шишкова, термином «словообразовательное древо», так как считаю надругательством над духом и смыслом русского языка фразы типа: «словообразовательное **гнездо**, **вершиной** которого является **корень** х»: все-таки корень находится внизу, а не вверху и растет из него не гнездо, а дерево с ветвями и листьями. В обоих случаях имеет место метафора, но и метафору для образования термина надо выбирать, сообразуясь с природой. Метафора гнезда менее точна, ибо в природном птичьем гнезде могут попасться и чужие, кукушечьи, яйца.

В начале второй ветви находится глагол несовершенного вида *бежа₂ть* < *bĕgĕti; суффикс *a₂*⁴ является алломорфом дуративного суффикса линейного движения *ĕ. От этого глагола образован ряд приставочных дериватов: *вбежать, выбежать, добежать, забежать, избежать* и др.

С течением времени в литературном языке происходит контаминация дериватов первой и второй ветви. В результате, с одной стороны, глаголы первой ветви утратили в русском литературном языке формы перфекта⁵, и нормой становится спряжение *убегу* — *убежал* и т. д.; в настоящем времени у глаголов первой ветви в литературном языке утрачиваются все формы, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. (*бегу, бегут*); вместо форм 2, 3 л. ед.ч. и 1, 2 л. мн.ч. употребляются формы глагола второй ветви (*бежишь, бежит, бежим, бежите*); с другой стороны, в качестве форм настоящего (простого будущего) времени 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. у глаголов второй ветви стали выступать формы глаголов первой ветви (*бегу, бегут*)⁶.

Общим основанием, благодаря которому произошло это объединение, был «несовершенный вид» словоформ (которые со временем сошлись в разных своих формах в единое глагольное слово) *бегу* и *бежать* и «совершенный вид» их приставочных дериватов, хотя о несовершенном и совершенном виде этих глаголов приходится говорить с известной долей условности, так как, чтобы быть глаголами совершенного вида, у них должен существовать коррелят несовершенного вида.

Этот коррелят возник следующим образом.

Как известно, значение форм презенса, имперфекта, аориста и перфекта тесно связано с аспектуальными характеристиками глаголов, точнее, со способом выражаемого действия⁷. Глаголы с корнем *бъг-* относятся к глаголам движения, которое могло быть линейным (определенным) и нелинейным (неопределенным), предельным и непредельным. Анализ лексикографических источников показывает, что глаголы с корнем *бъг-* в древнерусском языке всегда были глаголами линейного (определенного) движения: некогда было древнерусскому человеку слоняться туда — сюда; если он бежал, то с определенной целью в определенном направлении, поэтому для них было актуальным только противопоставление предельных и непредельных форм. Значение непредельного действия выражали формы презенса 1-й и 2-й ветвей *бъгу, бѣжиши* и имперфекта 4-й ветви⁸ *бъг-ахъ, бѣг-аше*; эти формы были противопоставлены формам аориста и простого будущего с предельным значением глаголов 1-й и 2-й ветвей *бъгохъ, бѣгоша, бѣжахъ, бѣжаша*.

По причине общности способа непредельного действия форм презенса и имперфекта последние очень рано, возможно, еще в дописьменный период, испытали переразложение в основе: *бъг-ахъ* > *бѣгá-хъ*; основа *бѣгá-* переосмыслиется как основа со значением длительного, непредельного действия во времени. Так возник суффикс *-a₃-*, первоначально выражавший значение непредельного действия. К этой основе присоединяется регулярный суффикс основы настоящего времени 3-го класса *je/*jo: так возникают новые формы презенса *бѣг-á₃-ю, -еши*, формы причастий *бѣгáя, бѣгáюще* с инфинитивом *бѣгáти*.

⁴ Суффикс *a₁* — это древний индоевропейский «аористный» суффикс с дуративно-итеративным значением (*знать, видать*). От основ с этим суффиксом образовывались разные формы прошедшего времени — аорист, перфект, причастие прошедшего времени, а также инфинитив, что понятно: если инфинитив — это отглагольное имя, то он обозначает «застывшее» действие, дело, вещь, эргон. Эта группа глагольных форм была совершенно независима от форм презенса (см. Мейе 1951, 193). Соотносимые с ними формы презенса могли образовываться от разных основ: от основы 1 класса — *зову, зовещи, зовуть*; от основы 3 класса — *пишу, пишещи, пишутъ*; от основы 4 класса — *сплю, сплещи, спитъ* при инфинитивах *зѣвати, пѣсати, спѣати*.

⁵ В диалектной речи и в просторечии употребляются формы типа *сбѣг, убѣг*.

⁶ При наличии в диалектной речи и просторечии форм *побежу, убежу* и т. п.

⁷ В дальнейшем во избежание многозначности мы будем вслед за традицией, восходящей к С. Агреллю, различающей Aspect и Aktionsart (см.: [Маслов, с. 30]), употреблять термин «вид» только в отношении противопоставления «совершенный — несовершенный», а в отношении других противопоставлений (определенный — неопределенный, предельный — непредельный) употребляем термин «способ действия».

⁸ О происхождении этой ветви будет сказано ниже.

Согласно данным исторических словарей, формы презенса типа *бѣгаю*, *бѣгаеши*, *бѣгаетъ*, формы перфекта *бѣгаль есмь*, формы причастий типа *бѣгая*, *бѣгающе*, *бѣгавъ* появились уже в XI в. Например, в «Иборнике» 1076 г.: «Любить князь воина стояща и борющагося съ врагы и овогда убо уязвляюща овогда уязвляема паче **бѣгающаго** и оружие помѣщющааго»⁹. Составители Словаря верно толкуют лексическое значение глагола *бѣгати* ‘убегать, спастись бегством’, то есть как определенный глагол линейного, однонаправленного действия, ибо князь больше любит того воина, который стоит на поле брани, бьется с врагом и то поражает его, то сам бывает поражаем, чем того, который (у)бегает, бросив оружие (а не бѣгает туда — сюда по полю брани, то есть находится в состоянии бѣга). Следовательно, это причастие определенного глагола *бѣгати*. То же находим и в более поздних памятниках.

«Римлянинъ же нѣкъи ѿ коньникъ нарочити. . . гона на кони, въсхътивъ нѣкоего оуношо ѿ соупротивныхъ **бѣгающе** крѣпка тѣломъ и въружена»¹⁰. Очевидно, что юноша, крепкий телом и вооруженный, не **бѣгаль**, то есть не занимался бегом трусцой, а **бѣгаль**, то есть спасался бегством от гнавшегося за ним конного римлянина, поэтому данный пример не годится для иллюстрации значения ‘бежать, передвигаться бегом’, как это имеет место в Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)¹¹, в котором это значение в словаре является вторым. Еще более очевидно это в следующих примерах из «Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского» по списку XIV в. (ГИМ, Син. №954):

«преже аще мощно **бѣгаи** до конца торжища»¹²; так как здесь указаны цель и направление движения, то ударение не может быть накоренным; это форма императива от определенного глагола **бѣгати**, а не абсолютного глагола **бѣгати**;

«яко лукавыи дѣхъ w(т)гнаса w(т) тебе крѣпнѣ(м). ходи(т) по безводны(м) мѣсто(м). ища дѣш не имущи(х) крѣпнѣ. и не обрѣтая таковы(х). възвращаетса паки в та его же остави. и обрѣ(т) добродѣтелю х(с)а в тобѣ вселшаса бѣгае(т)»¹³; понятно, что лукавый дух, найдя Христа, вселившегося в человека благодаря его добродетели, не **бѣгает** трусцой, а **бѣгаетъ**, то есть убегает, спасается бегством.

Можно с уверенностью утверждать, что во всех примерах, приведенных в словарной статье «Бегать» в «Словаре древнерусского языка», употребляется именно определенный глагол *бѣгати*; при переводе он используется для передачи греческого определенного глагола φεύω ‘бежать, убегать; избегать’¹⁴, а не неопределенного τρέχω ‘бежать, бегать’¹⁵.

Таким образом, есть основание утверждать, что в древнерусском языке с древнейшей поры существовал глагол определенного действия *бѣгати*.

Бесприставочные формы презенса 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. глаголов четвертой ветви *бѣгаю*, *бѣгають* по своему значению были сходными с глаголами первой ветви *бѣгу*, *бѣгутъ*, ибо те и другие выражают определенное (линейное) неопределенное действие; точно так же формы остальных лиц глаголов четвертой ветви в аспектуальном отношении ничем не отличались от тех же личных форм глаголов второй ветви: *бѣгаеши* — *бѣжиши*: та же определенность и неопределенность. Это значит, что они были словообразовательными синонимами¹⁶, вследствие чего формы презенса бесприставочных глаголов четвертой ветви в конце концов были утрачены, хотя, как было показано выше, в древнерусском языке они еще были в активном употреблении.

⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. (далее — СЛРЯ XI—XVII вв.). М., 1975. Вып. 1. С. 85. В СЛРЯ XI—XVII вв. знаков ударения нет; они реконструированы мной. — А. К.

¹⁰ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) (далее — СЛДРЯ). М., 1988. Т. I. С. 352—353 (в словаре знак ударения отсутствует и здесь, и далее реконструирован мной. — А. К.).

¹¹ См.: Там же.

¹² Там же. С. 353.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. II. С. 1720.

¹⁵ См.: Там же. С. 1642.

¹⁶ Ср. аналогичные примеры такой синонимии: *иму* — *емлю*, *возьму* — *вземлю*.

Не так обстояло дело с приставочными глаголами всех ветвей. По общему признанию историков языка, «средством разграничения видов в древнейшую эпоху ... являются приставочные образования» [Кузнецов, с. 257]¹⁷. После присоединения приставок к глаголам четвертой ветви со значением неопределенного способа действия они остаются глаголами несовершенного вида: *бъгáю* — *выбъгáю*, *бъгáль (есмь)* — *выбъгáль (есмь)*. Присоединение тех же приставок к глаголам первой и второй ветвей со значением предельного способа действия превращает их в глаголы совершенного вида: *бъгу* — *выбъгу*, *бъжати* — *выбъжати*.

Однако глагол четвертой ветви *выбъгáю*, *выбъгáти* является глаголом несовершенного вида только потому, что есть соотносительные с ним глаголы совершенного вида первой и второй ветвей словообразования *выбъгу*, *выбъжати* и в некоторых случаях еще: *избъгáти* — *избъжати* — *избъгáнути*. И наоборот, приставочные глаголы первой и второй ветвей стали глаголами совершенного вида потому, что возникли глаголы несовершенного вида в четвертой ветви. Из этого следует, что для образования видов требуются следующие условия:

- 1) наличие прото-видового противопоставления по признаку предельности — неопределенности, выражаемому формами аориста и простого будущего, с одной стороны, и формами презенса-имперфекта, с другой;
- 2) наличие префиксальных производных от каждой из трех исторически существовавших основ;
- 3) наличие соотносительных связей в системе словообразовательного древа между глаголами разных ветвей с одинаковыми приставками.

Это значит, что словообразование предшествует видообразованию и само **видообразование может рассматриваться как частный случай словообразования, по крайней мере, на ранних этапах его развития**. После формирования этих видовых корреляций формы аориста и имперфекта оказались в русском языке излишними и были утрачены¹⁸.

Таким образом, нами подтверждается мысль о том, что «грамматическая категория вида возникла на базе переосмысления и переработки ряда лексических способов действия, на базе их своеобразного преодоления» [Маслов, с. 452], однако существенно при этом то, что **исследовать эти процессы необходимо в рамках истории каждого отдельного словообразовательного древа**.

Рассмотрим это подробнее.

Префиксальные образования с неопределенным значением	Префиксальные образования с предельным значением
аще ноздри т- сѣ̄ овок-лгы възвѣгган блговонига ос-женьѣ̄ раславѣ̄ еси [(Феѣуе) ГБ XIV, 79г.] СлДРЯ. М., 1989. Т. II. С. 13.	Половци възвѣггоша из низу к болгарѣ̄ перѣ̄ татары [Лаврентьевская летопись. Л. 156 об.]*
сѣ̄гы же еразмѣ̄ възлагаше роукоу свою на н- . въ им- хѣ̄во избѣ̄гающеиъ же дѣ̄мономѣ̄ . авиѣ̄ цѣ̄ли въвахоу. [Успенский сборник. Л. 119а, 24–25]**.	не избѣ̄жиши ѿ̄ роукоу мною. [Успенский сборник. Л. 776, 19–20].
Ико щитомѣ̄ захищанеи . неповѣ̄дныиъ крѣ̄тмиъ . образомѣ̄ влѣ̄немѣ̄ . негоже не трѣ̄п- аде . но отъвѣ̄гають вѣ̄совьскыи съворѣ̄:~ [Путятин минея. Л. 25, 15]***.	мнози оубо ѿ̄ позорища ѿ̄вѣ̄гоша боуѣ̄сти ради безмилостиваго селина. [Успенский сборник. Л. 138в, 14–15].

¹⁷ См. также: [Мейе, с. 233].

¹⁸ Это касается именно русского языка. В болгарском языке развитие видовой оппозиции не повлекло за собой исчезновение аориста и имперфекта (см. об этом: [Маслов, с. 176–215]).

<p>Бѣ же тоу ѣдинѣ братѣ славѣ съи . иже и ѹасто ѡвѣгаше ѡ блаженаго манастир-. [Успенский сборник. Л. 49г, 9].</p>	<p>сею ради къ вамѣ не привѣгохѣ како бл̄гоклатвѣно . и везимѣльвѣно сътворю ошествина своего. [Успенский сборник. Л. 7в, 13–14].</p>
<p>къ щедротамѣ твоимѣ привѣгаю . къ теплоу жмоу твоимю притѣкаю . бл̄цѣ покровоу и помочи. [Путятина минея. Л. 122об., 16].</p>	<p>и не можааше тѣрпѣти на ѣдиноу мѣстѣ . и пробѣже ладьскоу землю гонимѣ гнѣвомѣ бжнѣмѣ . и привѣже въ поустынию межи ѹехѣ и лахѣ. [Успенский сборник Л. 15г, 22–28].</p>
<p>ѡвѣгають вс-ка немощь . и печаль и вѣздѣхание [XIV/XV вв.] СлДРЯ. М., 2000. Т. VI. С. 214</p>	<p>Ты м-тежа оувѣжавѣ арсение . како грѣха источьникѣ ... стѣжмоу дхѣ бѣ прѣвноу покоишѣ. [Путятина минея. Л. 30, 9].</p>
<p>капица раздрѣшишаас- . . . бѣси повѣгаахѣ</p>	<p>Вѣзвѣгнемѣ с лица ихѣ и тако же изгидѣт въ слѣдѣ нас [1477 г.] СлРЯ XI–XVII в. Вып. 1. С. 142.</p>
<p>Оувѣгати врачевьныа пользы пориво нсть [1073 г.] Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. III. Стб. 1120.</p>	<p>Глѣвѣ оувѣже оу Городокѣ [Ип. л. 6656 г.] Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. III. Стб. 1122.</p>
<p>Я повѣгали тѣ люди и животѣ Петра Семеновича поносили [1636 г.] СлРЯ XI–XVII в. М., 1989. Вып. 15. С. 119.</p>	<p>Мало ихѣ оувѣжаша, и ти ѣзвѣни [Новг. Гл. 6672 г.] Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. III. Стб. 1121.</p>
<p>Я скотѣ всакон къ тому огню вѣгали въ грудѣ [1662 г.] СлРЯ XI–XVII в. Вып. 1. С. 25.</p>	<p>И привѣжавѣ стрелцѣ и салдатѣ в город в Кремль, и вѣжжали на Краснаа и на Постельнаа крыльцо [1682 г.] СлРЯ XI–XVII в. Вып. 1. С. 152.</p>
<p>Подѣгали подѣ городѣ Могакѣ татарѣ съ 30 человѣкѣ [1683 г.] СлРЯ XI–XVII в. Вып. 15. С. 222.</p>	

*Текст цитируется по изданию: Лаврентьевская летопись 1377 г. URL: <http://www.nlr.ru/fonds/manuscripts/w5.htm>.

** Здесь и далее текст Успенского сборника цитируется по изданию: Успенский сборник. XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

*** Здесь и далее текст Путятинной минеи цитируется по изданию: Новгородская служебная минея на май. XI век. (Путятина минея). Текст. Исследования. Указатели. / Изд. подг. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003.

Из таблицы видим, что до XVII века значение определенности и предельности выражалось в литературном языке формами аориста производных от глаголов *бъчи* и *бъжати*, а значение определенности и неопределенности выражалось формами презенса и имперфекта производных от глагола *бъгати*. В XVII веке формы аориста и имперфекта выходят из употребления, потому что в целом сформировалась категория вида и сделала эти формы в русском языке излишними. Глаголы несовершенного и совершенного вида исторически образованы от разных основ, то есть они не связаны между собой отношением словопроизводства, но они вступили в соотносительную, ассоциативную связь, которая, все более и более укрепляясь в языковом

сознании, привела к формированию видовых отношений на основе более древних отношений предельности — неопределенности¹⁹.

По правилам комбинаторики из двух признаков возможны четыре сочетания: «+ +», «+ -», «- +» и «- -». Из предыдущего ясно, что в древнерусском языке были глаголы (с корнем *бѣг-*) первого типа, то есть определенные и предельные результативного способа действия — *прибѣчь*, *прибѣжать*; глаголы второго типа, то есть определенные и неопределенные — *прибѣгать*; глаголы третьего типа — неопределенные и предельные — невозможны, по-видимому, по логике вещей; осталась незаполненной четвертая логически возможная ниша — глаголы неопределенные и неопределенные. Она была заполнена следующим образом: в глаголе *бѣгáть* / *бѣгáю* происходит перетяжка ударения с суффикса на корень, благодаря чему возникает абсолютное значение 'находиться в состоянии бега'. По-видимому, неправ был А. Мейе, когда писал, что бесприставочная «форма *бѣгать*, где древнее *ѣ* сохранило старое ударение²⁰, стала формой простого неопределенного глагола» [Мейе, с. 243]. Дело в том, что от основы *бѣга₁-* с «аористным» суффиксом *-а₁-* нельзя образовать формы презенса, только формы аориста, имперфекта, инфинитива, причастий прошедшего времени; следовательно, глагол *бѣгать* / *бѣгаю* — это новообразование с новоаккутовой интонацией. Насколько можно судить по довольно смутным лексикографическим источникам, не различающим двух омонимов *бѣгáть* и *бѣгать*, этот глагол нелинейного движения *бѣгать* с абсолютным значением 'находиться в состоянии бега' появился довольно поздно — не ранее XVII века: *Дѣти, егда из оучилища отпущатца ... не должнствуютъ вопльствовати ...ниже паки бѣгати подобаетъ яко скотоу сѣмо и овало Гражд. об. дет., 53 XVII в.»²¹*

Особенность значения — неопределенность и неопределенность — глагола *бѣгать* стала причиной того, что он смог сочетаться не с каждой приставкой при образовании глаголов совершенного вида: нет глаголов **вбѣгать*, **взбѣгать*, **выбѣгать*, **подбѣгать*, **убѣгать*, но есть делимитативный глагол *побѣгать*, пердуративный *пробѣгать*, кумулятивные *набѣгать* и *избѣгать*, сатуративные *набѣгаться* и *убѣгаться*, инхоативный *забѣгать*.

Третью словопроизводную ветвь составляют глаголы 2-го класса с суффиксом **ne / *no*, выразившим значение однократного действия: **bĕg-no-m* > **bĕgnŏ* = ст.-сл. **бѣгнѣ**, др.-рус. **бѣгну**. Памятники древнерусской письменности знают употребление этих глаголов: **вѣбѣгнути**, **вѣзбѣгнути**, **выбѣгнути**, **избѣгнути**, **отѣбѣгнути**, **побѣгнути**, **прибѣгнути**. Большинство из них были утрачены вследствие их чрезвычайной семантической близости к глаголам второй ветви; сравним: **вѣбѣгнути** — **вѣбѣжати**, **выбѣгнути** — **выбѣжати** и проч. Из этих глаголов сохранились в употреблении лишь два: *избегнуть* и *прибегнуть*; не исключено, что они представляют собой кальки, ибо, судя по словарным материалам, они были эквивалентами греч. ἐκφεύγω и προσφεύγω; этим можно объяснить отчетливую книжную стилистическую окраску этих слов.

Таким образом, независимо друг от друга возникли четыре ветви глагольных производных от корня *бег-*, однако, связанные общностью корня, но выражающие разный характер действия, дериваты этих ветвей не могли не вступить в соотносительные связи. Понятие соотносительной связи больше всего походит на понятие супплетивной связи, хорошо известной в науке. Так, например, А. Мейе совершенно справедливо указывал на то, что «русск. находи́ть есть несовершенный вид от найти́ и уже не имеет реальной связи с ходи́ть, формы которого с приставкой (за-ходи́ть 'начать ходить' и т. д.) имеют совершенный вид» [Мейе, с. 240]. Если уже разнокоренные слова *найти* и *находить* могут отрываться от своих деревьев и вступать в видовые отношения на

¹⁹ Ср.: «Ба зу возникновения вида в собственном смысле слова, т. е. совершенности и несовершенности, составили предельные глаголы и, в первую очередь, приставочные глаголы результативного способа действия» [Маслов, с. 471].

²⁰ То есть старую аккутовую интонацию. — А. К.

²¹ СЛРЯ XI–XVII в. Вып. 1. С. 85.

основе общности переносного лексического значения, то словам одного корня в пределах одного словообразовательного древа сама природа повелела вступать в соотносительные связи.

Соотносительная связь — это особый, отличный от словопроизводного, тип словообразовательных отношений: для того, чтобы возникли отношения этого типа, должны существовать члены, которые вступают в отношения. Эти члены возникают в ходе сложного взаимодействия формо- и словообразования в пределах единого СД. В некоторых случаях типа *вбежать* — *вбегать* отношения грамматикализируются, то есть возникшие независимо друг от друга глаголы становятся двумя формами по существу одного глагольного слова, различаясь лишь своим видом — совершенным и несовершенным. Иначе говоря, историческая последовательность предстает в таком виде: словопроизводные связи — ассоциативные связи между независимо возникшими друг от друга словами — парадигматические отношения между некоторыми словами в пределах одного словообразовательного древа.

2

Пятая словопроизводная ветвь от корня *бѣг-* — именная, во главе которой стоит сущ. *бѣгъ* < *bĕg-ǫ-s; оно образовано при помощи праславянского именного суффикса *ǫ или *ǫ со значением предметности; значение отвлеченного действия возникает благодаря включению глагольного корня в именную словоизменяющую парадигму, то есть когда он включается не в становление особых глагольных морфологических категорий лица, залога и времени как характеристик конкретного действия, а в становление именных категорий числа, рода, падежа.

С точки зрения словопроизводства это существительное образовано независимо от глаголов, но, имея тот же корень, оно вступило в соотносительную связь с глаголами всех ветвей в качестве их отвлеченного имени; совсем не случайно оно толкуется другим отвлеченным существительным: «**Бѣгъ**, м. 1. *Бегство*. Молитесь, да не будетъ бѣгъ вашъ зимѣ или въ субботу». [1073 г.]²².

Сущ. *бѣгъ* соотносится с гл. *бѣчи*, *бѣжати*, *бѣгати* и *бѣгати*. Изначально это слово вообще могло быть не именем, а причастием при глаголе, как *пасъ* (членная ф. *пасый*) при *пасты*'.

Формально его производные могут быть соотносимы со следующими глаголами:

забѣгъ — с гл. *забѣчи*, *забѣжати*, *забѣгати* и *забѣгати*;

набѣгъ — с гл. *набѣчи*, *набѣжати*, *набѣгати* и *набѣгати*;

перебѣгъ — с гл. *перебѣчи*, *перебѣжати*, *перебѣгати* и *перебѣгати*;

побѣгъ — с гл. *побѣчи*, *побѣжати*, *побѣгати* и *побѣгати*;

пробѣгъ — с гл. *пробѣчи*, *пробѣжати*, *пробѣгати* и *пробѣгати*;

разбѣгъ — с гл. *разбѣчиса*, *разбѣжатиса*, *разбѣгатиса* и *разбѣгатиса*.

Однако реальные смысловые связи зависят от значения как существительного, так и глагола. Например, сущ. *набѣгъ* было соотносимо с гл. *набѣжати*:

«**Набѣгъ**, м. *Набегъ, нападение*. Всякой родъ татаръ и ордь отнюдь никакие набѣги да не творять. Петр, I, 273. 1699». СЛРЯ XI—XVII в. М., 1983. Вып. 10. С. 17.

«**Набѣжати**. 1. *Совершить набег, нападение*. А взяли де они казаки на тѣхъ бояхъ и въ дорогѣ набѣжавъ ... разныхъ улусовъ людей и женъ ихъ и дѣтей многихъ. ДАИ X, 155. 1682 г.». СЛРЯ XI—XVII в. М., 1983. Вып. 10. С. 17.

В современном русском языке у сущ. *набег* это значение сохранилось, а у глагола *набежать* утратилось, поэтому сущ. *набег* связано с глаголами своего древа только формально, по смыслу уже не соотносимо ни с одним из них. Сущ. *побег* по смыслу соотносится не с глаголами с той же приставкой (*побечь*, *побежать*, *побегать*), а с совершенным видом двувидового глагола *бежать*: Он бежал (СВ) из ссылки = Он совершил побег из ссылки.

²² Там же. С. 84.

Глаголы и соотносимое с ними имя могут появиться в языке в разное время. Так, гл. *пробьчи* известен с XII века, *пробьгати* — с XV века, а сущ. *пробьгъ*, по данным НКРЯ, — только с XX века: «В Москву прибыл студент Петербургского университета Афанасьев, совершивший на велосипеде пробег в 13 000 верст по Европе и части Азии; Афанасьев пробыл в пути около года»²³. По смыслу он соотносится только с глаголом *пробежать*, но не с *пробегать* и *пробѣгать*.

В образовании новых соотносительных пар решающую роль играет аналогия: если есть соотношение *бежать* — *бег*, то по аналогии возникает и соотношение *пробежать* — *пробег*, если только есть потребность в новом слове, в данном случае в сущ. *пробег*.

Таким образом, представляется возможным выделить три типа словообразовательных отношений, складывающихся между словами:

1. словопроизводные связи внутри словообразовательного древа;
2. соотносительные связи однокоренных слов, возникших независимо друг от друга внутри словообразовательного древа; не детерминированные их происхождением; будет уместным назвать этот тип отношений внутренним супплетивизмом;
3. внешние супплетивные связи между разнокоренными словами для выражения разнообразных словообразовательных и грамматических значений (*говорить* — *сказать*, *находить* — *найти* и т. п.).

Если первый и третий типы хорошо известны, хотя первый тип в историческом аспекте описан еще довольно плохо, то второй тип, кажется, в таком виде еще не выделялся в лингвистической литературе по русистике, однако он должен, на наш взгляд, войти в инструментарий описания исторических процессов в словообразовании, так как позволяет непротиворечиво, без обращения к таким сомнительным понятиям, как усечение основы или нулевой аффикс, описывать исторический процесс формирования словообразовательных отношений как внутри словообразовательных древ, так и между ними.

Предложенный здесь подход к описанию исторических процессов в словообразовании позволяет отказаться не только от таких фиктивных единиц, как нулевой аффикс [Добродомов, Камчатнов], но и от такого сомнительного понятия, как обратная соотношенность словообразовательных форм, или редеривация. Под последней понимается «изменение исторического направления производности на обратное». ...Например, зависимость слов типа *работа* от производных глаголов типа *работать*» [Николаев, с. 56]²⁴. Это следует понимать таким образом: «когда-то раньше» глагол *работать* был произведен от существительного *работа*, основа сущ. *работа* была мотивирующей по отношению к гл. *работать* = ‘выполнять работу’; «когда-то потом» или «теперь» эти отношения поменялись на противоположные: гл. *работать* мотивирует сущ. *работа*.

На наш взгляд, здесь имеет место неправомерное отождествление понятий «соотнесенность» и «мотивированность». Мотивированность у слова может быть только одна — та, что была в момент возникновения слова; в данном случае все слова с корнем *раб-* (*раб*, *раба*, *работа*, *работать*) были заимствованы из старославянского языка и на русской почве вообще не связаны отношениями словопроизводства; в старославянском же языке имела место такая последовательность: **orb-* > *рабъ* > *рабити > *работа* > *работати*. Рассмотрим собственно русский пример. Сущ. *гонитель* было образовано от гл. 4-го класса *гонити*: *гонитель* — ‘тот, кто гонит’; возникнув, это слово стало семантически соотноситься с другими словами того же древа (*гнать*, *гонка*, *гонщик*,

²³ Неизвестный. Вести (1912.05.26) // Новое время. 1912 (Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>).

²⁴ Совершенно иное содержание в понятие обратного словообразования (редеривации) вкладывает И. С. Улуханов, который понимает под этим термином окказиональные, возникающие, как правило, в разговорной речи образования типа *ютить* ← *приютить*, *чубучить* ← *отчубучить*, *допонять* ← *недопонять*, *преть* ← *прение*, *пищеварить* ← *пищеварение*. В этих случаях как бы «восстанавливается» отсутствующее в узусе звено словообразовательной цепи, но нет и речи о смене словообразовательных отношений. См.: [Улуханов, с. 414–444).

гонец, гончий, гонение, угнать и проч.). К исходу XIX в. гл. *гонить* выходит из употребления, поэтому связь сущ. *гонитель* с его производным стала неявной, вследствие чего в обыденном сознании на основе реальной смысловой соотносительности производных от одного корня могло сложиться неверное представление о том, что сущ. *гонитель* образовано от гл. *знать* (от которого на самом деле ожидалось бы *знатель), то есть происходит **смещение соотносительности и мотивированности**. Это по сути мнимое представление обыденного сознания стало истиной в последней инстанции для синхронического описания словообразовательных отношений в русском языке. Историк языка, казалось бы, должен объяснить, во-первых, как на самом деле было образовано сущ. *гонитель* и, во-вторых, почему между словами *знать* и *гонитель* возникло новое, не детерминированное словопроизводством отношение «действие — деятель». Вместо этого Г. А. Николаев строит теорию об имевшем место, как он считает, историческом процессе смены словообразовательных отношений, в данном случае о редеривации. Чтение его книги убеждает в том, что над ее автором тяготеют синхронические понятия и методы описания русского словообразования, поэтому он вольно или невольно стремится «диахронически» оправдать некоторые мнимости, которые породило синхроническое словообразование.

На наш взгляд, имела место не смена словообразовательных отношений, а возникновение новых ассоциативных связей слов внутри одного словообразовательного древа, новых отношений, не детерминированных словопроизводством, к которым уже не применимо понятие мотивации, являющееся по сути диахроническим.

Таким образом, соотносительные связи между дериватами в пределах одного словообразовательного древа, являясь одним из типов словообразовательных отношений, могут, во-первых, грамматикализироваться, создавая видовые формы глагола, во-вторых, вступать в отношения типа «действие — отвлеченное имя действия», «действие — деятель» и др., в-третьих, создавать в обыденном языковом сознании при определенных условиях мнимые представления о характере мотивированности, которые в свою очередь становятся базой для некорректных теоретических обобщений о якобы имевшем место историческом процессе смены словообразовательных отношений.

Все вышесказанное позволяет по-новому поставить вопрос о границе, отделяющей синхронное словообразование от диахронного. Синхронное описание языка по самому смыслу слова *синхронный* есть такое описание, которое исключает категорию времени. Напомню классическое определение синхронии: «Всюду следовало бы различать... 1) *ось одновременности*, касающуюся отношений между сосуществующими явлениями, где и с к л ю ч е н о в с я к о е в м е ш а т е л ь с т в о в р е м е н и, и 2) *ось последовательности*, на которой нельзя рассматривать больше одной вещи сразу и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями» [Соссюр, с. 113; разрядка моя — А. К.]; синхронное описание на «оси одновременности» — это описание, по Соссюру, «чистых значимостей», то есть это описание чисто смысловых отношений между единицами языка. Так, например, в синхронной фонологии описываются чистые оппозитивные отношения, релевантные для данного языка; в синхронном синтаксисе описываются разнообразные отношения (сочинение, подчинение и пр.); в синхронной лексикологии описываются чистые смысловые отношения (полисемии, синонимии и пр.); всегда в синхронном описании категория времени элиминирована из описания.

Не то в синхронном словообразовании, как мы его знаем сейчас. Дело в том, что сами понятия производящей и производной основ, понятие мотивации имплицитно содержат в себе категорию времени, так как одна основа существовала раньше другой. Чтобы быть синхронным, синхронное словообразование должно отказаться от понятий производящей и производной основ, должно перестать ставить вопрос, что от чего образовано, должно отказаться от оперирования такими понятиями, как словообразовательная модель, способ словообразования, словообразовательное

средство, ибо все они в более или менее явном виде содержат в себе категорию времени; в таком стерильном виде словообразование должно даже отказаться от термина «словообразование». Поэтому то синхронное словообразование, какое мы знаем сейчас, в действительности является диахронным, только это диахрония ущербная, ушибленная обывательской языковой амнезией, ибо исключает из поля своего зрения временную глубину историко-словообразовательного процесса.

Если синхронное словообразование является противоречием в терминах, то его следует исключить из номенклатуры лингвистических дисциплин, а его предметную область, на наш взгляд, нужно включить в качестве особого раздела в лексикологию, например, под названием «Лексические гнезда», под которыми с чисто синхронной точки зрения понимаются группы слов, объединенных общностью корня, причем существенно, что эта общность осознается говорящими. Вероятно, как количество гнезд, так и состав каждого из них у разных авторов будет разным, но это лишь свидетельство того, что язык — живой и люди, как его носители, могут по-разному воспринимать то, что в нем живо, а что уже умерло.

Предметом описания должны стать вневременные смысловые отношения между словами в пределах гнезда; при этом неважно, как эти отношения возникли. Так, отношения между словами *учить* — *учитель* детерминированы словопроизводством, а между словами *знать* — *гонитель* не детерминированы, однако для синхронного описания это неважно, а важно лишь то, что в обоих случаях имеет место смысловое отношение «действие — деятель». Вопрос о возникновении этих отношений — это уже вопрос диахронного словообразования.

Здесь мы лишь наметили эту тему, имея в виду вернуться к ней в более пространной статье.

Литература

- Добродомов И. Г., Камчатнов А. М. Дериватологические призраки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 13–20.
- Камчатнов А. М. Лжеименное словообразование // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. 2013. № 3. С. 22–32.
- Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Теоретические основы. Изд. 2-е. М., 2009.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Улуханов И. С. Словообразование. Морфонология. Лексикология. М., 2012.

